

ТАНЯ (ТАР

НАЧАЛО

ПРЕВРАЩАЯСЬ В БОГА
ЧАСТЬ 3

Превращаясь в бога

Таня Стар

Начало. Серия
Превращаясь в бога. Часть 3

«Автор»

2017

Стар Т.

Начало. Серия Превращаясь в бога. Часть 3 / Т. Стар — «Автор»,
2017 — (Превращаясь в бога)

ISBN 978-5-532-07098-1

Серия книг в трёх частях в жанре фантастики с элементами фэнтези. Местами это даже хоррор. Воин с планеты Нибиру, вселившись в тело новорождённого землянина, с возрастом приобрёл силу бога. С ним происходят необъяснимые явления, к которым сложно привыкнуть. Он хочет узнать правду, кто он и какова его миссия. Он расскажет свою историю перерождения в бога. Эту исповедь услышат захватчики, и мы узнаем тайну миссии богов на Земле. Пленника хотят доставить на вертолёт в пирамиду Рамзеса для захоронения. Здесь, возможно, закончится его существование, и это может привести к исчезновению Мироздания. Как боги боролись с захватчиками вы узнаете, когда прочитаете все три части романа. Будет весело, познавательно, страшно и фантастически захватывающе. Магия поможет богам избавляться от злодеев. В добрый путь по страницам книги с новейшим взглядом о происхождении жизни во Вселенной.

ISBN 978-5-532-07098-1

© Стар Т., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Вступление	5
Начало...	7
Глава I. Жертва обстоятельств	8
Глава II. Игра в войну	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Таня Стар

Начало. Серия

Превращаясь в бога. Часть 3

Вступление

Наш Мир изменился. Люди больше не верят в богов и магию. Их вера рухнула. Алчность и насилие, обогащение правящей верхушки, нищета народа, несправедливость судов и озлобленность людей на государственную систему, войны и голод, цинизм и обман побудили их сознание к безбожию.

«Господь покинул нас! Он оставил наш маленький Мир, ему не интересны наши души, он больше не защитит нас. Мы обречены!» – сказал в 1863 году Ц.Б.Фредерик III, Великий священник эры Христа. Рим, Италия.

«Столетиями, люди были готовы бороться и умереть за бога с его именем на устах. Он был спасителем, повелителем, вдохновителем идей, исполнителем наших мечтаний и целей. Был! И ушёл... Навсегда!» – 2001 год, Джино, студент NYU, факультет древних культур и философии, Нью-Йорк, США.

«Бог? Конечно, он существует. Иначе, кто же вселяет в нас веру и надежду?» – 2012 год, Михаил, механик, Москва, Россия.

«Говорят, что перед смертью каждый вспоминает прожитую жизнь в деталях, не упустив ни крупинцы, чтобы на Небесах рассказать о себе новым друзьям.

Вдаваясь в сентиментальные воспоминания, мы с жадой смакуем содержимое своей памяти и слизываем его до последней молекулы. Вкусив благодати, мы точим языком мельчайшие подробности, чтобы ничего не упустить» – 2017 год, программист Артём Левченя, Лос-Анджелес, штат Калифорния, США.

Я – Арт, расскажу вам всё то, что происходило со мной до настоящего времени. Это история о происхождении богов на Земле.

В салоне вертолёт...

За окном жгучее солнце Ливии.

В салоне напротив меня в солдатской позе стоит девушка Наоми – моя истинная любовь, а рядом приткнулся к обшивке салона её напарник, – наёмник со штурмовой винтовкой – Сэм.

Сегодня меня и моего учителя Айса доставят в пирамиду Рамзеса, где и захоронят. История о том, как мы оказались в вертолёте противника, долгая. Скоро закончится наше существование, что, возможно, повлечёт за собой и гибель мироздания.

Лететь нам не менее четверти суток. Времени слишком мало, чтобы на пути к спасению Вселенной изложить всю правду, о которой я успел узнать до сего времени. Главное – не упустить ни единой мелочи. Любая крупинка воспоминаний, я надеюсь, может сработать как детонатор и спасёт нас от гибели.

Этот путь в ад или рай, как нам повезёт.

Но одного я не допущу – умереть безмолвно, сокрыв тайну о богах. Начну с подробностей событий двадцатилетней давности.

Всем необходимо услышать мою исповедь и узнать правду. Иначе, зачем всё то, что мы здесь – на Земле, натворили за времена нашего пришествия.

Я уже рассказал нашим захватчикам всю свою историю о событиях моей жизни начиная с середины. Это был даже ближе конец истории, чем начало. Осталось завершить рассказ – о пути перерождения меня в бога. Об этом сейчас и поведаю.

... Мы не знали точно, как долго нам ещё лететь в назначенное место.

Наёмник Сэм и Наоми были внимательными слушателями, хотя спорно. Равнодушие в глазах Наоми слегка задевало мои чувства, а сарказм Сэма откровенно раздражал.

Ни жара, ни пыль, ни оглушающий шум двигателя не мешали мне погрузиться в воспоминания и методично выкладывать их агрессорам. Всё, что я помнил о жизни в новом теле, я намеревался донести до ушей возлюбленной – Наоми. Но пока мне не удалось растопить её сердце.

Здесь и сейчас я, надеюсь, не в последний раз изложу историю моего перерождения, и постараюсь не нарушать хронологию событий на данном этапе моей многовековой жизни.

Как и обещал завершу своё повествование здесь при свидетелях, хотя они и мои враги.

Начало...

Итак, мальчик...

Моя новая жизнь началась во времена существования Советского Союза. Это государство было наиболее развитым в вопросе покорения космоса.

В этот раз я выбрал новорождённого малыша. Точно сейчас не скажу, почему и как я предпочёл его, – мальчика, но при встрече с милым созданием я почувствовал необычайную связь с ним.

Всё началось давно, когда папа встретил маму. Они безумно влюбились друг в друга. Конечно, не настолько, чтобы совместно вершить революцию; устраивать двойной суицид или любую подобную глупость, но так искренне, что я и брат смогли появиться в этом мире.

Семья проживала в стране, расположенной в географическом центре Европы – БССР. Земли государства богаты природными ресурсами покрывали бесконечные леса, зелёные луга и плодородные земли. Из-за множества топких болот страна почиталась – лёгкими Европы.

Скромная по масштабам частица Евразии давала надежду десяти миллионам жителей на светлое и счастливое будущее. Однако государство было лишь частью союза крупных держав, поэтому было не свободным в выборе пути развития страны. Республика испытывала политическое давление со стороны союзников (так, секундочку!.. что-то меня понесло в политику, блин, не в ту степь).

Глубокий интерес к политике развился у меня, когда я учился в университете. Да! Забегая наперёд, скажу, что я так и не успел закончить его в силу непредвиденных обстоятельств. До сих пор голова пухнет от наук.

Родители дали жизнь замечательным мальчишкам: Александру и, спустя четыре года – Артёму (это я).

Познакомлю для начала вас с моим детством. Я жил счастливо, не подозревая о том, что я это не я (однако понять что я имею ввиду, – сложно, но не всё сразу, лучше по порядку). Ибо прошло много лет с тех пор, когда у меня получилось вернуть себе способности бога.

Проживая в оболочке Артёма до ритуала возвращения мне памяти, происходили странные события, объяснения которым в то время я не нашёл.

В разные периоды жизни случились четыре инцидента, когда я воспользовался сверхъестественными способностями и сам не понял, почему я ими обладаю.

А теперь подробнее о проявлении этих сил.

Глава I. Жертва обстоятельств

– Что же он не кричит? – взволновалась мать.

Младенца похлопывали по ягодицам в подвешенном за ноги состоянии.

– Давай, давай уже... – покрикивала акушерка. – Дыши уже, засранец... Я тебя точно заставлю жить!

Новорождённый слабо вскрикнул, а потом разошёлся не на шутку, как баянист, чуть было его успокоили.

– Гляньте на эту кроху. Какой миленький малыш. Мамочка, поздравляю! У Вас мальчик! Кареглазый лучик солнца в вашей жизни, – медсестра положила младенца на живот матери.

А я, всё ещё ощущая фантом родовой боли, с глазами полными слёз и счастья почувствовал тепло рук мамы, которая нежно и заботливо накрыла ими моё тело, как будто я был нежный росток, трясущийся от холода.

Тогда я впервые услышал ласковый голос мамы:

– Мой малыш... такой милый... я люблю тебя! – она улыбнулась мне, а я улыбнулся ей карими глазами, так акушерка оповестила маму при моём рождении. Заглянув в мамины синие глаза, светящиеся счастьем, я издал первый смешок.

– Ой, он смеётся, какая прелесть! – доктор умилялся чудо-ребёнку. – Это так славно!

Время перерождения...

До времени перерождения я долго блуждал в темноте вокруг здания больницы, заглядывая в каждое окно. Предчувствуя появление на свет младенца, я взволновался, что не могу отыскать место его нахождения. И только по наитию понял, что препятствий больше нет и мгновенно оказался рядом с новорождённым телом, позаимствовав для себя новую обитель.

Ребёнок задышал в тот самый момент, когда я вселился в избранное тело. Быть может без моего участия оболочка малыша осталась бы не востребованной, и он не ожил бы. Вероятно, я вовремя поспел с переселением.

Далее, в процессе реинкарнации, я испытал неописуемое тревожное чувство. Вас когда-нибудь били тяжёлой арматурой по голове? Если да, то вы поймёте, если нет (на что я искренне надеюсь), то скажу в общих чертах: «Это то ощущение, когда, открывая глаза, ты не помнишь собственного имени».

Вот, как-то так, я вновь увидел солнечный свет, – глазами младенца, тело которого стало для меня уютным домом, хотя и был он рождён в момент, когда сумерки сменила ночь. Зимой всегда скоротечно темнеет в тех краях. Само собой, это был не солнечный свет, а освещение от множества люминесцентных ламп, но всё же он был первым в жизни малыша, и он улыбался. Озарение было настолько пронзительным, что кроме света ничего не было видно пару десятков секунд.

Когда я снова приоткрыл глаза, чтобы привыкнуть к новому миру, я понял, что у меня есть мама. Я улыбался и не мог отвести от неё взгляд, потому что лучших глаз на тот момент жизни не встречал.

Вдруг мама испугалась, когда заметила, что тёмно-коричневую радужку моих глаз сменила ярко-зелёная. Зрачки мамы тогда расширились от удивления, но я успокоил её, покрывав, чтобы она подумала, что карий цвет врачам померещился из-за искусственного освещения.

Когда она обняла меня, я почувствовал себя комфортно и защищено. Не знаю почему, но именно так я себя и ощутил. Новые чувства в особенном теле: светлое окружение; много людей, таких же, как и я, только больших, всё это мне понравилось. Я улыбнулся ещё раз.

Через некоторое время медсестра забрала меня у мамы. Отнесла в другую комнату и провела гигиенические процедуры для тела, чтобы затем в эстетичном виде представить меня отцу.

Знаете, мужчины не выдерживают вида крови и так далее, так что меня вымыли тёплой водой, вытерли полотенцем и одели в мягкий подгузник. Он, конечно, немного позже стал тёплым, но, в любом случае, я был готов встретиться с папой.

Высокий здоровяк буквально ворвался в больницу, столкнувшись с парой встречных прохожих, чуть не сбив их с ног, так сильно спешил. Он что-то или кого-то искал по важной причине. Его лицо было недовольным, а про улыбку даже и говорить не стоит. Рассерженный, он был готов убить первого попавшегося под горячую руку, а рука у него была немаленькая. Это был один из управляющих больницей. Видимо, он имел высокую должность, раз позволял себе оскорблять и ругать медперсонал. Он раздавал на ходу указания всем своим подчинённым.

Так в нашу с мамой палату забежал мужчина и прикрикнул на единственную оставшуюся рядом медсестру:

– Сестра! Сюда! Немедленно! Я жду объяснений!

Но, это был не отец.

– Что случилось, Семён Петрович?! – сестра так занервничала, что выронила стакан с водой от внезапного появления недоброжелательно настроенного руководства.

Тут, он заметил краем глаза мою маму и, снизив тон, обратился к ней:

– Ох, простите меня великодушно, я не хотел вас напугать. Поймите меня, с этими людьми невозможно работать, – сплошной нигилизм... – он повернулся к медсестре, возвращаясь на плюс двадцать децибел: – В кабинет, живо!

Он ушёл, громко хлопнув дверью так, что в рамках затрещали стёкла.

– Вот, невротик. И как только допускают таких нестабильных людей в роддом работать? – возмутилась мама.

– О, Господи, только не опять... – выдохнула медсестра, подметая остатки битого стакана. – Простите его, Виктория. У него просто плохое утро, или кофе слишком много или внимания слишком мало. Не держите на него зла, он неплохой человек. Надеюсь, вы понимаете.

– Да ладно, – ответила мама, – Арт уже родился, могу и понервничать...

– Арт? – удивилась медсестра. – Необычное имя.

– Он так игриво улыбался сразу после рождения, что первая моя мысль была: «Ну, артист!». А потом решила, что оно ему подходит.

Вот тут она явно солгала. У неё из головы не выходило: как могут карие глаза через мгновение поменяться на зелёные. Поэтому и подумала: «Артист!»

Они дружно посмеялись, и медсестра поспешила на ковёр к начальству, шепча себе под нос молитву: «...хоть бы не уволили».

Мой отец уже спешил в больницу, как только закончилась его рабочая смена. Он был разнорабочим на металлургическом заводе. Проводил сотни часов своей жизни в окружении шумящих машин и кипящего металла ради того, чтобы обеспечить детям гораздо стабильнее будущее, чем было у него самого. Дабы познакомиться со мной, он добирался с пересадками на автобусах. Проехав десятки остановок, сблизившись в давке с потными телами пассажиров в узком проходе транспорта, он, так же, как и остальные граждане, спешил по своим делам с работы, в данный момент – познакомиться с наследником его империи.

Да! Советская жизнь, друзья, не тешила глаз цветами радуги.

Толпа народу, жаждущая попасть в транспорт в час пик, могла буквально внести тебя внутрь заветного маршрута, даже если тебе в него не надобно было попасть, и могла также вынести тебя, когда не было нужды выходить. Страсти в салоне автобуса часто выкипали за рамки приличия. Иметь же машину, – было дорогим удовольствием. Безобразие водилось буквально во всех сферах жизни и казалось, что нет ему ни конца, ни края.

В общих чертах скажу о советской экономике.

В Союзе можно было приобрести четыре типа машин: «Запорожец», «Москвич», «Жигули» и «Волгу». Автопром не догонял до уровня мировых марок. Но цены на автомо-

биль, так себе качеством... Да!.. Вы догадались – «Жигули», на момент моего рождения – были высоки, где-то пять тысяч рублей. Это сравни стоимости однокомнатной квартиры.

Средняя зарплата – сто двадцать рублей в лучшем случае. Минус квартплата, налоги, пенсионные отчисления, одежда и провиант, и это ещё хорошо, что не было телефонов, мобильных и интернета, а то вообще разорились бы. Из материальной помощи, разве что талоны на бесплатное молоко, которые выдавались только на вредных производствах к зарплате. Ещё существовали талоны на продукты, которых не было в свободной продаже в магазинах. Своего рода «ограничитель» покупательской способности.

Например, один человек мог купить пол-литра молока в день на одного члена семьи, не более. И на семью выдавалось талонов на каждого члена помноженное на количество дней в месяце, а нас было четверо, так что представьте себе ситуацию и поставьте себя в эти условия. Надеюсь, картину обрисовал понятно.

А что касаясь приобретения личного авто, думаю, уже все посчитали, что это огромная сумма и сбор средств займёт до десяти лет. И то вряд ли вы купите его, потому что существовала длинная очередь на приобретение заветной мечты каждого мужика. А ведь надо ещё думать о своих детях, об их обучении в университете, других расходах, например, о лекарствах для родителей.

Молодёжь, – не верите?! Старички, – вспомнили? Не нравится? Вот и нам не нравилось. Вообще никак! Вот почему я всегда считаю деньги?! Может, – бедность? Хотя, скорее, экономическое образование... Я и впрямь, будто ходячий калькулятор... И ещё эта политика приклеилась, как банный лист... Ладно, проехали...

В любом случае мой отец добрался до роддома. Он прошёл в отделение, нашёл нас с мамой, обнял, поцеловал и разделил с нами один из лучших моментов своей жизни – рождение ребёнка. Почему один из лучших, а не единственный? Потому что второй самый счастливый момент – это когда у тебя рождается второй ребёнок, и вторым ребёнком, принёсшим красивую чётную цифру – четыре, в нашу семью, – был я. Вот, как-то так я встретил своего папу и нагрел подгузник. Крутяк!

Уже прошла неделя. Мы с мамой все ещё были в роддоме. Пришёл светлый весенний день. Птицы возвращались с юга и, выбирая укромные места для будущих птенцов, щебетали, рассказывая людям, что весна уже на пороге. Снег таял и ручьями сбегал по дорогам в водостоки; уже местами зеленела трава. Эти мелочи наполняли городские улицы движением и звуками пения. На смену, порой ярким и снежным, но в основном унылым и серым пейзажам зимы, пришла радужная весна.

Солнце играло лучами, искрилось на островках заснеженных крыш. На тротуарах за стенами зданий, устилающих их тенью, лежали неприглядного цвета сугробы. На небе не было ни облачка. Жизнь пробуждалась в растениях и была ключом.

Виктория – моя мама, отлучилась из палаты на приём к врачу, а потом зашла в столовую позавтракать, оставив меня сытого на пеленальном столике наедине со сладкими сновидениями.

Мне снились сияющие звёзды, далёкие неизвестные планеты, космические корабли, путешествующие сквозь пространство и время. Я не понимал, что я видел, но это было очень завораживающее зрелище, и я не хотел отвлекаться.

Ещё я встретил странных существ. Точнее у них были руки, ноги, голова – совсем как люди, но вот цвет тел у них был пылающий, яркий и разноцветный: одни были зелёные, другие красные, третьи синие и жёлтых хватало. Вся эта пёстрая братия куда-то бежала по тёмному лесу, зачем-то в кого-то стреляла лазерными пушками, оборачиваясь от страха. Я не знал кто они такие, но очень переживал за них.

Во сне я, поневоле, переворачивался с боку на бок (хотя вы скажете, этого не могло быть... но, это так!). Упираясь пяточками, я продвигался к краю столика для новорождённых,

а моё лицо отчётливо выражало волнительные эмоции. Я кряхтел. Медсестра рядом читала газету, сёрбая чай из гранёного стакана. Естественно, до меня ей дела не было, и эмоций моих она не замечала, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то попытаться успокоить дитя.

И вот мне снится момент, когда один из существ попал под луч лазера и был разрезан пополам. Я зажмурился, но не проснулся.

От моих эмоций окно палаты буквально раскололось. От сквозняка оно распахнулось внутрь и, ударив о стену, слетело с петель, разбиваясь вдребезги.

Медсестра подпрыгнула от неожиданности, разорвав, зажатую в ладонях, газету пополам. Дабы удержать равновесие на падающем стуле, она развела руки в стороны, но всё же громко шмякнулась на пол, ударившись затылком. Скорчив гримасу боли, она ещё пару секунд повалилась на полу, резко поднялась и, держась за набитую шишку, осмотрела место крушения больничного окна.

Откуда взялся штормовой ветер, и почему быстро образовались густые тучи, – объяснить и понять она не могла. Но одно она знала твёрдо – надо срочно убрать стекло, чтобы никто не поранился, и рапортовать о происшествии начмеду. Она ушла, напрочь, позабыв обо мне.

В эту самую минуту мама почувствовала неприятное где-то внутри. Нет, не боль, не жар и не холод, и даже ничего из того привычного, что человек обычно может чувствовать. Чувство тошноты, но не в желудке, смешалось с ноющей болью в области сердца и страхом.

Знаете ли Вы, где в человеческом теле находится душа? Немного выше пупка, прямо там, где солнечное сплетение. Душа Виктории в тот момент дала о себе знать, напомнила, что она существует, и что хочет предупредить её о чём-то плохом. У левого уха раздался звон колокольчика, будто предупреждение об опасности. Звон его был настолько нежный, что едва слышался сквозь гул больничных коридоров. Странные ощущения испугали маму, она вскочила из-за стола и, позабыв о завтраке, помчалась в палату с новорождённым сыном.

Судорожно пробиваясь мимо зевак, которые вышли из своих покоев поглазеть на затянувшееся тучами небо и растрёпанные ветром деревья, она неслась с такой скоростью, что ей позавидовали бы олимпийские бегуны, хотя она этого даже не замечала. Миновав нескончаемый лабиринт коридоров и лестниц, она приближалась к палате, где она оставила сына.

На улице заморосил мелкий дождь и было довольно пасмурно. Во дворе взвизгнули тормоза от машины, едва не сбив врача, бегущего в корпус спрятаться от дождя. Ловко отпрыгнув в безопасную сторону, врач скрылся за дверью роддома.

Когда Виктория влетела уже на свой этаж, её за плечи остановил как раз тот, спешивший на дежурство врач. Она обернулась и попыталась вырваться из его цепких лап, смахнув ударом руки медика с пути так сильно, что он отлетел на пару метров от неё и чуть было не врезался в стену (да уж, правду говорят, что любящая мать в страхе за своего ребёнка приобретает способность берсерка).

– Оу, оу, мамочка, помедленнее! Куда Вы так торопитесь? Что стряслось? Не стоит бегать по больнице. Вы можете кого-нибудь толкнуть или сами поскользнуться, – вежливости ему было не занимать.

– Мой ребёнок!.. – вскрикнула она, – что-то не так с ним! Я чувствую!.. Я хочу скорее увидеть его!..

«О, Господи! Ещё одна...», – зло подумал доктор. А потом сказал вслух, улыбнувшись:

– Ясно. Что ж, уверяю Вас, что не о чем беспокоиться, все новорождённые находятся в палатах и отдыхают под присмотром заботливых медсестёр, – он пытался её успокоить дружеским жестом, решив похлопать по плечу.

– Нет! Он не в порядке! Я чувствую это! Оставьте меня! Я побегу к нему, прошу! – она устранилась от занесённой над ней руки доктора. Врач промахнулся. Его рука упала резко вниз, что позволило ему ухватить Викторию за запястье. Она снова дёрнула руку, и мужчина по инерции чуть не влетел в женщину.

– Пресвятая дева, ладно... хо-ро-шо! – отпустил её доктор. – Но обещайте мне, что вы успокоитесь прямо сейчас. Как я вас пущу в таком невменяемом состоянии к ребёнку. Вы всех перепугаете.

«Засранец, не смей меня успокаивать! – подумала Виктория. – Ты ни хрена не знаешь и не можешь знать, что такое материнская интуиция!» – Но, натужно улыбнувшись, ответила:

– Хорошо. Думаю, у меня нет иного выбора. Я успокоилась. Идёмте скорее.

– Я рад, что мы быстро нашли общий язык, – удовлетворённо произнёс доктор.

«Я тебе этот язык... вырву, если что не так» – подумала Виктория.

В этот момент по лестнице спускалась медсестра, охранявшая мой сон. Доктора напугала её нервозность и выпученные от страха глаза. Она сходу забалабонила:

– Иван Аркадьевич, там это... – она заикалась, – там, ну, как бы вам сказать... – Нервно теребя пальцы, она силилась описать случившееся в палате.

– Да говори ты толком! Что там?

– Там, в общем, сквозняком сорвало с петель окно, и оно разбилось, – выстрелила сестра с максимальной скоростью и, кивая в сторону Виктории, добавила, – вон, в её палате.

Виктория застыла, глядя в пустоту, и резко, оттолкнув обоих медработников, бросилась к своему ребёнку. Медперсонал поспешил вслед.

– О, Господи! – закричала она, когда увидела ужасную картину.

Слетевшее с петель окно, осколки стекла в раме и на полу, вздыбленные ветром занавески, ливень, заливающий пол и край детской кровати, вселили страх в обезумевшую мать.

– Где он?! – она не увидела на кровати дитя и, склоняясь, искала его на полу. – Вы его забрали? – волновалась Виктория.

– Нет... – удивлённая медсестра переглянулась с врачом.

Виктория подошла ближе и увидела торчавшую над кроватью посиневшую голову сына, застрявшего грудной клеткой между кроватью и стеной. Тельце, видимо, съехало и перекатилось через низкий бортик, и только ребра мешали телу упасть на пол.

... Печально. Да-да... Мне повезло испытать все прелести удушения в возрасте младенца.

Мама, шокированная смертью сына, с ужасом смотрела на людей в белых халатах, ожидая помощи. Врач резко отодвинул Викторию в сторону, и быстро вернул младенца в положение на спину, – удобное для спасения жизни. Пощупав пульс и осмотрев глаза дитяти на признак реакции зрачков на свет, покрутил голову влево вправо и, убедившись, что он мёртв, горестно посмотрел на мать и констатировал:

– Мне очень жаль...

Виктория метнулась к кровати с криком: «Не верю!».

Она оттолкнула в сторону безучастного врача. Он ошалел от неожиданного выпада матери и едва не упал, поскользнувшись на луже от дождя. Мама начала спасать меня. Она подняла моё тело над головой, потрясла словно грушу. Я помню, как болталась моя голова, будто тряпка на заборе от ветра и эти неудобные позы... Мама, не зная, что делать, с глазами полными слёз и паники, реанимировала меня, искусственно вентилируя мои лёгкие своим дыханием изо рта в рот, искренне ругая всех и вся, полная скорби и проклятий, с мольбой к Богу вернуть ей сына.

Кстати, моя мама своего рода доктор. Нет, у неё нет медицинского образования, но она профессионал традиционной народной медицины. Пока она меня «дубасила» пальцами в моё маленькое тело, чтобы запустить сердце, цвет моей головы пришёл в норму, и она не выглядела уже так страшно.

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! – мама шептала себе под нос, делая ритмичные толчки в крохотную грудь, не боясь сломать ребра. – Вдох! – Она выдыхала свой воздух из лёгких в мой рот (хорошо, что мой нос не закрыла пальцами! иначе порвала бы мои лёгкие своим

объёмом воздуха. А так, лишний выходил через нос). – Раз! Два! Три! Четыре! Пять! – Снова толчки. – Вдох!

Она совершала однотипные действия уже пять минут. Вот она сила материнской любви. Она верила и даже ни на секунду не сомневалась, что оживит меня.

– Дыши, Артист! Ты меня слышишь?! – первый раз повысила она голос именно на меня. – Я тебя не отпускаю! Не тебя! Не сегодня! Я слишком долго тебя ждала!

Объяснить её крики можно довольно просто, но это весьма трагично.

Несколько раз она теряла ребёнка, будучи беременной: один раз упала с лестницы на живот; другой – перепугалась едва не сбившего её на вокзале автобуса и снова упала на живот; третий – перепарилась в бане, не подумав о ребёнке. Но вот и он – я – долгожданный и реанимируемый мамой.

Персонал решил не трогать расстроенную мать – мало ли что у неё в голове, того гляди, стеклом полоснёт ненароком. Поэтому они молчали, наблюдая в сторонке, когда она поймёт и примет неизбежную трагедию. Но не тут-то было... я задышал... зрачки сузились после хриплого вздоха. Закашлявшись, я тихо заплакал.

Доктор был, мягко говоря, в шоке. Он перекрестился, а медсестра от радости упала на стул. Мама, в отличие от них, счастливо разревелась, осознав, что только что силой материнской любви воскресила своего Артиста. Она укутала тёплым одеялом моё ознобившее тельце. Взяв меня на руки, она крепко обняла, затем гневно взглянула на медсестру, которая оцепенела от маминого взгляда.

– Сволочь! – это всё, что сказала мама.

Врач опустил голову и стыдливо прикрыл глаза.

Я вообще не понимаю... У этого типа развлечение такое было, – наблюдать за страданиями несчастной женщины? По-моему, ничего развлекательного в произошедшей беде не было! Я понимаю, что подобное зрелище не случается каждый день, но всё же...

Итак, у меня таки получилось добраться живым домой, – в моё первое настоящее личное пространство, заполненное теми, кому я дорог. Мама поклялась себе, что больше никогда в жизни не доверится ни одному человеку в белом халате. И, знаете, она в чём-то права. Большинству из них интересны лишь деньги, несмотря на клятву Гиппократата, но о каких деньгах идёт речь в советской семье.

Бабушка встретила нас тёплой улыбкой и вкусным домашним печеньем, наполнившим ароматом весь дом, и заварником полным чая. Какого именно? Хм... довольно странный вопрос... В магазинах всё равно выбора не было. Точнее выбор был – чай или кофе в банках с названиями «Чай» и «Кофе» (в Советском Союзе кофе поставлялся из Бразилии, а чай – из Индии). Поэтому честнее сказать: «Индийский чай». Вспомнил! Был ещё «Грузинский чай». Так или иначе, мне было всё равно. Рано мне было пить чай. Он предназначался для моей семьи, я же любил молоко (кстати, даже учась в университете, я предпочитал его другим напиткам).

Мои новоиспечённые родственники много разговаривали, обсуждали насущные проблемы, моё удушье между стеной и кроватью, – с ужасом охая и ахая.

Вести о «пополнении» моментально разнеслись по округе так, что друзья семьи пришли в гости, чтобы поздравить родителей и познакомиться со мной (и, естественно, никто не удержался пощипать мои щёчки... больно же, блин!).

И был среди них один человек, который любил меня больше всех. Ему было четыре года. Его звали Александр – мой старший брат.

Мне иногда кажется, что я сам люблю его больше, чем себя. Он всегда был для меня кем-то возвышенным. Я знаю, что «не сотвори себе кумира» и всё такое, но всё, чем бы он ни занялся, производило на меня неизгладимое впечатление: я хотел делать так же, уметь то же,

вести себя похоже, но не лучше, а именно так же. Я до сих пор это чувствую. Он меня всегда вдохновлял. Да, я сам себе удивляюсь, но чего таить-то правду.

Обычно братья не очень хорошие друзья, и мы с ним не были исключением. Дело во мне.

Я как истинная «Рыба» терпеть его не могу, но души в нём не чаю. Он всегда был любимчиком в семье, хотя мама убеждала меня в обратном (не верю я вам, ребята, я слишком глубоко увяз в политике, красноречии и прочей дребедени, развивающей IQ).

Александр и мне повезло родиться в семье, где преобладали хорошие манеры поведения и безупречный этикет цивилизованного общества.

Нам прививали доброжелательное отношение к людям, безотносительно к их общественному положению; почтение к пожилым членам общества; учтивое обращение к женщинам; правила поведения в обществе и за столом, чтобы манеры соответствовали требованиям вежливости, в основе которых лежат принципы гуманизма.

Мы росли, я считаю, в безупречных условиях, по меркам об идеальности, конечно.

С родителями нам было весело и уютно. Они путешествовали по родным просторам вместе с нами, когда наконец-то позволили себе купить самую маленькую машину, – «Запорожец». Хотя со временем мы забыли об этом в силу слабости кратковременной памяти в человеческом мозге.

Само собой, мы, как и другие дети, иногда доставлял неприятности. Первый ребёнок – всегда счастье, а второй – двойное счастье. Поэтому наши небольшие шалости не представляли особых хлопот семье... моей семье.

Соскучились по политике? Вот вам немного информации, которая просочилась в мой мозг на лекциях в универе.

Дети, рождённые в СССР, были нечто большим, чем просто малыши. Чем больше детей в семье, тем шире квадратные метры жилья. Ужасно, но факт. Это чуть не стало причиной моей слабой привязанности к семейным узам. Я благодарен родителям за то, что меня вырастили, выкормили и выучили. Но ведь мне всегда хотелось чего-то большего, даже сам не знаю, – чего.

– Ты типей будис зыть с нами? – спросил меня мой брат.

Точнее сказать, он направил свой вопрос в сторону того, что должно было быть мной – к свёртку из одеял, которыми я был закручен-перекручен, чтоб не замёрзнуть и не выпачкать всё вокруг. Единственное, что ему было видать – мои большие и зелёные, как изумруд глаза.

– Мама, а как иво завут?

– Мы ещё не знаем, – сказала мама и улыбнулась. – Как ты думаешь? Какое бы ты хотел дать ему имя?

– Я ни знаю, – маленький Саша был в замешательстве, – я чилавекав исё не называл никакда.

Все умиленно улыбнулись.

– До сих пор я звала его Артист, но ведь это не совсем имя... – мама на секунду задумалась. – Знаешь, Санька, есть одна очень интересная книга, написанная известным русским писателем Николаем Островским, она называется «Как закалялась сталь». Книга рассказывает о революционных тяжёлых временах советских людей, их жизни, заботах, борьбе за выживание и сражениях с врагами народа. В ней описано о множестве замечательных людей, их характерах и жизненных устоях.

Так вот, был там один герой – слесарь депо. Очень сильный, большой и добрый, рассудительный и спокойный человек. Я бы хотела, чтобы у твоего братика были все его качества характера. Звали его Артём. Это имя происходит из древнегреческого от имени богини Артемиды, и означает «здоровый», в обоих пониманиях этого слова.

Так вот, скажу я вам мои друзья, Арт – это сокращённое имя, и оно не обозначает «Арт-стайл дизайн» или «Арт-галерея», и совсем ничего общего с искусством в целом не имеет, о

чём многие думают до сих пор. Позже это имя сыграло немаловажную роль в моей жизни (или лучше сказать живучести).

Как только мама закончила свою речь, мой дед – её отец, до сих пор молчавший, взял меня в руки и поднял над всей семьёй под потолок и сказал:

– Да будет так! Артём звать будут его отныне! – он это, наверное, специально так громко произнёс, чтобы я запомнил. – Он будет велик и очень важен в жизни многих людей! Он тот самый, которого ждали... – Он положил меня туда, откуда взял и поднял стакан водки, опустошив его залпом.

– Папа, – укорительно взглянула Виктория, – не кричи, ты его пугаешь.

– Тихо, женщина! – сморщившись после принятого алкоголя, прошипел он. – Твой сын и мой внук однажды станет очень силен и храбр. Его друзья преклонятся перед ним, а враги разбегутся.

Вся семья засмеялась, поняв, что дед уже в нужной кондиции, и никто не придавал никакого значения его словам, кроме меня. Подсознательно, каким-то образом, это одна из тех вещей, которые я отчётливо помню из младенчества. Даже теперь я чувствую, что знаю деда всю свою жизнь.

Он умер пять лет спустя. Печально и грустно осознавать, что единственный человек, который видел тебя насквозь и понимал, как никто, умер неожиданно от аневризмы мозга (наверняка, знаете – это бомба замедленного действия, которая убивает мгновенно и мгновений не выбирает).

На его похороны пришли соратники, соседи, родственники и много малознакомых людей, столкнувшихся с ним и благодарных ему. Он был человеком с большой буквы. Нездоровье убило его. Он жертва обстоятельств...

Глава II. Игра в войну

В салоне вертолѐта...

Белый песок Сахары искрился в лучах палящего солнца, которое жгучими лучами прожигало моё тело насквозь. Шум «вертушки» уже не напрягал слух, ибо я, расплывшись в улыбке, умилённо вспоминал первые дни младенческой жизни и видел лица своих родителей.

Айс смотрел вглубь проблемы, которая нависла над нами, и даже не думал о побеге. Мы с ним молчали, набираясь сил. Мой учитель уже знал, что делать дальше. Я видел это по кончикам его пальцев, которыми он колупал что-то в углу стекла. Он всегда так делал, когда задумывал что-либо совершить.

Доверившись его опыту, я закрыл глаза и ненадолго задремал, вспоминая очередную историю детства.

... – Дети! Пора вставать! Завтрак на столе! – мамиными словами началось очередное утро, когда мама решала, что без неё никак не обойтись. – Неужели вы не хотите блинчиков с клубничным вареньем? Так вкусно, мм-м!

Ну, почему? Почему каждый раз мы с братом должны объяснять ей, что мы сами можем приготовить себе завтрак. Мама, блин! Мы уже не маленькие, – нам шесть и десять!

До сих пор иногда улыбнёт воспоминание об этом.

Мы любили маму и поэтому не хотели, чтобы ради нас она просыпалась рано утром только ради того, чтобы пожарить блинчики. Ведь нам стыдно было признаться в том, что хотим уберечь её здоровье, поэтому отмазывались самостоятельностью.

Однажды она сдалась и, обидевшись, ушла спать.

С тех пор мама готовила еду с вечера, а мы с братом в спокойной обстановке завтракали тем, чем хотели, и никто не совал нам стряпню под нос. Кажется, именно поэтому мы с Александром выросли независимые и готовые к любым жизненным испытаниям.

Сейчас мы стараемся заботиться о родителях и просто обязаны отблагодарить их за то время, что они потратили на нас.

А теперь небольшое лирическое отступление с целью ознакомить Вас с жизнью моей семьи.

Родители много работали, чтобы обеспечить нас с братом жизненно необходимыми вещами и баловать изысками, поэтому они проводили с нами мало времени и, следовательно, нас частенько оставляли бабушке, чтобы она за нами присматривала.

Папа и мама как-то раз отдали меня в детсад, но всё же потом решили больше не отправлять в него, ввиду плохой приживаемости в коллективе. Поэтому я всегда находился под присмотром мамы или бабушки. Позже, когда я подрос и стал совершенно самостоятельным, как мне тогда казалось, проводил свободное время, исследуя закоулки придомового двора и соседние улицы. Потому я мало знаю о жизни в детском саду или просто забыл о том времени, как о страшном сне, и не сожалею об этом совсем. Почему так случилось?

Скажем, предки пытались... но это всегда заканчивалось драками как с мальчиками, так и с девочками. Ни один воспитатель не мог со мной совладать. Родители пришли к выводу, что я слишком агрессивен для содержания меня взаперти и решили оставить на свободе.

Я помню этих детсадовских детей за забором. Мне всегда было жалко смотреть на их тянущиеся к прохожим руки между прутьев ограды к дядям и тётям мимо бегущим. Они словно «заключённые» тянулись к свободе изнутри клетки. Для меня сад выглядел точно тюрьма за «колючей проволокой», той самой, которой окружают все детские сады, чтобы дети не сбежали и не попали в неприятности.

Моя жизнь протекала иначе. Излюбленным местом для меня была булочная в двух шагах от дачного дома, где мы жили летом с бабушкой. Каждый день я покупал свежую булочку с

абрикосовым или яблочным вареньем. Это были наивкуснейшие булочки на планете (нет, я не знал, что другие планеты существуют, тем более не пробовал там булочки).

Более того я даже не знал, что место, где я живу – планета, что она входит в Солнечную систему, которая в свою очередь является частью Звёздной системы, из которых состоит Галактика, а все они составляют Вселенную.

Для меня существовала моя квартира и двор, который я знал лучше всех, потому как излазил каждый угол и дача, на которой проживал летом. А чтобы изведать, к примеру, – Солнечную систему, не хватит даже жизни богов.

В один из солнечных дней родители были на работе, а бабушка задремала в дачном кресле, так и не разгадав кроссворд до конца, я улизнул, чтобы добавить в жизнь немного яблочного счастья, то есть купить сладкий пирожок. Иду я, бойко машу руками со сжатым в кулак пятаком и, вдруг, раздался звонкий голос за спиной:

– Артём, иди сюда! – мой друг Андрей активно помахал рукой. – Хочешь, покажу что-то клёвое? Оно настолько клёвое, что ты просто обязан пойти со мной и посмотреть!

– Ага! Я сейчас! Только вот булочку куплю. Бегу! – меня распирал интерес.

Мы отправились смотреть «кое-что клёвое», шагая по бетонному тротуару, в обрамлении бордюров, под деревьями с сочной зеленью. Пару раз опасно перебежали автодорогу перед редкими машинами, чтобы получить дозу адреналина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.